

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> «Домби и сын»	3
<i>Глава II,</i> в которой своевременно принимаются меры по случаю неожиданного стечения обстоятельств, возникающих иногда в самых благополучных семействах.	17
<i>Глава III,</i> в которой мистер Домби показан во главе своего домашнего департамента как человек и отец	32
<i>Глава IV,</i> в которой на сцене, где разворачиваются события, впервые выступают новые лица	47
<i>Глава V.</i> Рост и крестины Поля	64
<i>Глава VI.</i> Вторая утрата Поля	90
<i>Глава VII.</i> Взгляд с птичьего полета на местожительство мисс Токс, а также на ее сердечные привязанности.	120
<i>Глава VIII.</i> Дальнейшее развитие, рост и характер Поля	127
<i>Глава IX,</i> в которой Деревянный Мичман попадает в беду	156
<i>Глава X,</i> повествующая о последствиях, к которым привели бедствия Мичмана	175
<i>Глава XI.</i> Выступление Поля на новой сцене	192
<i>Глава XII.</i> Воспитание Поля	212

<i>Глава XIII.</i> Сведения о торговом флоте и дела в конторе	238
<i>Глава XIV.</i> Поль становится все более чудакова- тым и уезжает домой на каникулы.	255
<i>Глава XV.</i> Изумительная изобретательность капитана Катля и новые заботы Уолтера Гэя .	289
<i>Глава XVI.</i> О чем все время говорили волны.	310
<i>Глава XVII.</i> Капитану Катлю удается кое-что устроить для молодых людей	317
<i>Глава XVIII.</i> Отец и дочь.	333
<i>Глава XIX.</i> Уолтер уезжает	359
<i>Глава XX.</i> Мистер Домби предпринимает поездку. .	377
<i>Глава XXI.</i> Новые лица	397
<i>Глава XXII.</i> Кое-что о деятельности мистера Каркера-заведующего	412
<i>Глава XXIII.</i> Флоренс одинока, а Мичман загадочен	440
<i>Глава XXIV.</i> Забота любящего сердца	472
<i>Глава XXV.</i> Странные вести о дяде Соле.	487
<i>Глава XXVI.</i> Тени прошлого и будущего	501
<i>Глава XXVII.</i> Тени сгущаются	523
<i>Глава XXVIII.</i> Перемены.	547
<i>Глава XXIX.</i> Прозрение миссис Чик	562
<i>Глава XXX.</i> Перед свадьбой	579
<i>Глава XXXI.</i> Свадьба	601
<i>Глава XXXII.</i> Деревянный Мичман разбивается вдребезги	624
<i>Глава XXXIII.</i> Контрасты	649
<i>Глава XXXIV.</i> Другие мать и дочь.	667
<i>Глава XXXV.</i> Счастливая чета	683
<i>Глава XXXVI.</i> Празднование новоселья	700

<i>Глава XXXVII.</i> Несколько предостережений	718
<i>Глава XXXVIII.</i> Мисс Токс возобновляет старое знакомство	733
<i>Глава XXXIX.</i> Дальнейшие приключения капитана Эдуарда Катля, моряка	746
<i>Глава XL.</i> Семейные отношения	771
<i>Глава XLI.</i> Новые голоса в волнах	795
<i>Глава XLII,</i> повествующая о доверительном разговоре и несчастном случае	811
<i>Глава XLIII.</i> Бдение в ночи	833
<i>Глава XLIV.</i> Разлука	845
<i>Глава XLV.</i> Доверенное лицо	860
<i>Глава XLVI.</i> Опознание и размышления	872
<i>Глава XLVII.</i> Грянул гром	890
<i>Глава XLVIII.</i> Бегство Флоренс	919
<i>Глава XLIX.</i> Мичман делает открытие	935
<i>Глава L.</i> Сетования мистера Тутса	960
<i>Глава LI.</i> Мистер Домби и светское общество	985
<i>Глава LII.</i> Секретные сведения	997
<i>Глава LIII.</i> Новые сведения	1018
<i>Глава LIV.</i> Беглецы	1040
<i>Глава LV.</i> Роб-точильщик лишается места	1056
<i>Глава LVI.</i> Многие довольны, а Бойцовый Петух возмущен	1073
<i>Глава LVII.</i> Еще одна свадьба	1106
<i>Глава LVIII.</i> Спустя некоторое время	1118
<i>Глава LIX.</i> Возмездие	1140
<i>Глава LX.</i> Преимущественно о свадьбах	1167
<i>Глава LXI.</i> Она уступает	1186
<i>Глава LXII.</i> Заключительная	1204

ГЛАВА I

Домби и сын

Домби сидел в углу затемненной комнаты в большом кресле у кровати, а сын лежал, тепло укутанный, в плетеной колыбельке, заботливо поставленной на низкую кушетку перед самым камином и вплотную к нему, словно по природе своей он был сходен со слобной булочкой и надлежало хорошенько его подрумянить, покуда он только что испечен.

Домби было около сорока восьми лет, сыну — около сорока восьми минут. Домби был лысоват, красноват и хотя был красивым, хорошо сложенным мужчиной, но имел слишком суровый и напыщенный вид, чтобы располагать к себе. Сын был очень лыс и очень красен и, хотя был (разумеется) прелестным младенцем, казался слегка измятым и пятнистым. Время и его сестра Забота оставили на челе Домби кое-какие следы, как на дереве, которое должно быть своевременно срублено — безжалостны эти близнецы, разгуливающие по своим лесам среди смертных, делая мимоходом зарубки, — тогда как лицо сына было иссечено вдоль и поперек тысячью морщинок, которые то же предательское Время будет с наслаждением стирать и разглаживать тупым краем своей косы, приготавливая поверхность для более глубоких своих операций.

Домби, радуясь долгожданному событию, позвякивал массивной золотой цепочкой от часов, виднев-

4 шейся из-под его безукоризненного синего сюртука, на котором фосфорически поблескивали пуговицы в тусклых лучах, падавших издали от камина. Сын сжал кулачки, как будто грозил по мере своих слабых сил жизни за то, что она настигла его столь неожиданно.

— Миссис Домби, — сказал мистер Домби, — фирма снова будет не только по названию, но и фактически «Домби и сын». «Домби и сын»!

Эти слова подействовали столь умиротворяюще, что он присовокупил ласкательный эпитет к имени миссис Домби (впрочем, не без колебаний, ибо не имел привычки к такой форме обращения) и сказал:

— Миссис Домби, моя... моя милая.

Вспыхнувший на миг румянец, вызванный легким удивлением, залил лицо больной леди, когда она подняла на него глаза.

— При крещении, конечно, ему будет дано имя Поль, моя... миссис Домби.

Она слабо отозвалась:

— Конечно, — или, вернее, прошептала это слово, едва шевеля губами, и снова закрыла глаза.

— Имя его отца, миссис Домби, и его деда! Хотел бы я, чтобы его дед дожил до этого дня!

И снова он повторил: «Домби и сын» — точь-в-точь таким же тоном, как и раньше.

В этих трех словах заключался смысл всей жизни мистера Домби. Земля была создана для «Домби и сына», дабы они могли вести на ней торговые дела, а солнце и луна были созданы, чтобы озарять их своим светом... Реки и моря были сотворены для плаванья их судов; радуга сулила им хорошую погоду; ветер благоприятствовал или противился их предприятиям; звезды и планеты двигались по своим орбитам, дабы сохранить нерушимой систему, в центре коей были они. Обычные сокращения обрели новый смысл

и относились только к ним: А. Д. отнюдь не означало «anno Domini»*, но символизировало anno Dombei** и сына. 5

Он поднялся, как до него поднялся его отец, по закону жизни и смерти, от сына до Домби, и почти двадцать лет был единственным представителем фирмы. Из этих двадцати лет он был женат десять — женат, как утверждал кое-кто, на леди, не отдавшей ему своего сердца, на леди, чье счастье осталось в прошлом и которая удовлетворялась тем, что заставила свой сломленный дух примириться, почтительно и покорно, с настоящим. Такие пустые слухи вряд ли могли дойти до мистера Домби, которого они близко касались, и, пожалуй, никто на свете не отнесся бы к ним с большим недоверием, чем он, буде они дошли бы до него. «Домби и сын» часто имели дело с кожей, но никогда — с сердцем. Этот модный товар они предоставляли мальчишкам и девчонкам, пансионам и книгам. Мистер Домби рассудил бы, что брачный союз с ним *должен*, по природе вещей, быть приятным и почетным для любой женщины, наделенной здравым смыслом; что надежда дать жизнь новому компаньону такой фирмы не может не пробуждать сладостного и волнующего честолюбия в груди наименее честолюбивой представительницы слабого пола; что миссис Домби подписывала брачный договор — акт почти неизбежный в семьях благородных и богатых, не говоря уже о необходимости сохранить название фирмы, — отнюдь не закрывая глаз на эти преимущества; что миссис Домби ежедневно узнавала на опыте, какое положение он занимает в обществе; что миссис Домби всегда сидела во главе его стола и исполняла в его доме обязанности хозяйки

* В лето [от Рождества] Господня (*лат.*).

** В лето [от рождества] Домби (*лат.*).

6 весьма прилично и благопристойно; что миссис Домби должна быть счастлива; что иначе быть не может.

Впрочем, с одной оговоркой: да, ее он готов был принять, с одной-единственной, — но она, несомненно, заключала в себе многое. Они были женаты десять лет, и вплоть до сегодняшнего дня, когда мистер Домби, позвякивая массивной золотой цепочкой от часов, сидел в большом кресле у кровати, у них не было потомства, о котором стоило бы говорить, никого, кто был бы достоин упоминания. Лет шесть назад у них родилась дочь, и вот сейчас девочка, незаметно пробравшаяся в спальню, робко жалась в углу, откуда ей видно было лицо матери.

Но что такое девочка для «Домби и сына»? В капитале, коим являлись название и честь фирмы, этот ребенок был фальшивой монетой, которую нельзя вложить в дело: мальчиком, ни на что не годным, — и только.

Но в этот момент чаша радости мистера Домби была так полна, что он почувствовал желание уделить одну-две капли ее содержимого даже для того, чтобы окропить пыль на заброшенной тропе своей маленькой дочери, поэтому он сказал:

— Пожалуй, Флоренс, ты можешь, если хочешь, подойти и посмотреть на своего славного брата. Только не дотрагивайся до него.

Девочка пристально взглянула на синий фрак и жесткий белый галстук, которые, вместе с парой скрипящих башмаков и очень громко тикающими часами, воплощали ее представление об отце, но глаза ее тотчас же обратились снова к лицу матери, и она не шевельнулась и не ответила.

Через секунду леди открыла глаза и увидела девочку, и девочка бросилась к ней и, поднявшись на цыпочки, чтобы спрятать лицо у нее на груди, при-

льнула к матери с каким-то страстным отчаянием, отнюдь не свойственным ее возрасту. 7

— Ах, боже мой! — с раздражением сказал мистер Домби, вставая. — Право же, ты очень неблагоразумна и опрометчива. Пожалуй, следует обратиться к доктору Пепсу, не будет ли он так любезен еще раз подняться сюда. Я пойду. Мне незачем просить вас, — добавил он, задерживаясь на секунду возле кушетки перед камином, — проявить сугубую заботу об этом юном джентльмене, миссис...

— Блокит, сэр? — подсказала сиделка, приторная увядшая особа с аристократическими замашками, которая не решилась объявить свое имя как непреложный факт и только назвала его в виде смиренной догадки.

— Об этом юном джентльмене, миссис Блокит.

— Да, конечно. Помню, когда родилась мисс Флоренс...

— Да, да, да, — сказал мистер Домби, наклоняясь над плетеной колыбелькой и в то же время слегка сдвигая брови. — Что касается мисс Флоренс, то все это прекрасно, но сейчас другое дело. Этому юному джентльмену предстоит выполнить свое назначение. Назначение, мальчуган! — После такого неожиданного обращения к младенцу он поднес его ручку к своим губам и поцеловал, затем, опасаясь, по-видимому, что этот жест может умалить его достоинство, удалился в некотором замешательстве.

Доктор Паркер Пепс, один из придворных врачей и человек, пользовавшийся великой славой за помощь, оказываемую им при увеличении аристократических семейств, шагал, заложив руки за спину, по гостиной, к невыразимому восхищению домашнего врача, который последние полтора месяца разглагольствовал среди своих пациентов, друзей и знакомых о предстоящем событии, по случаю коего ожидал

8 с часу на час, днем и ночью, что его призовут вместе с доктором Паркером Пепсом.

— Ну, сэр, — сказал доктор Паркер Пепс низким глубоким звучным голосом, приглушенным по случаю события, как закутанный дверной молоток, — находите ли вы, что ваше посещение подбодрило вашу милую супругу?

— Так сказать, стимулировало, — тихо добавил домашний врач, кланяясь в то же время доктору и как бы говоря: «Простите, что я вставил словечко, но это ценное добавление».

Мистер Домби был совершенно сбит с толку вопросом. Он так мало думал о больной, что не в состоянии был на него ответить. Он сказал, что ему доставило бы удовольствие, если бы доктор Паркер Пепс согласился еще раз подняться наверх.

— Прекрасно. Мы не должны скрывать от вас, сэр, — произнес доктор Паркер Пепс, — что замечен некоторый упадок сил у ее светлости герцогини... прошу прощения: я путаю имена... я хотел сказать — у вашей любезной супруги. Заметна некоторая слабость и вообще отсутствие жизнерадостности, которые нам желательно было бы... не...

— Наблюдать, — подсказал домашний врач, снова наклоняя голову.

— Вот именно! — произнес доктор Паркер Пепс. — Которые нам желательно было бы не наблюдать. Обнаруживается, что организм леди Кенкеби... простите: я хотел сказать — миссис Домби, я путаю имена больных...

— Столь многочисленных, — прошептал домашний врач, — право же, нельзя ожидать... в противном случае это было бы чудом... практика доктора Паркера Пепса в Вест-Энде...

— Благодарю вас, — сказал доктор, — вот именно. Обнаруживается, говорю я, что организм нашей па-

циентки перенес потрясение, от которого он может оправиться только с помощью напряженного и упорного...

— И энергического, — прошептал домашний врач.

— Вот именно, — согласился доктор, — и энергического усилия. Мистер Пилкинс, здесь присутствующий, который, занимая положение медика-консультанта в этом семействе (не сомневаюсь, что нет человека, более достойного занимать это положение)...

— О! — прошептал домашний врач. — Похвала сэра Хьюберта Стэнли*.

— Очень любезно с вашей стороны, — отозвался доктор Паркер Пепс. — Мистер Пилкинс, который благодаря своему положению превосходно знает организм пациентки в нормальном его состоянии (знание весьма ценное для наших заключений при данных обстоятельствах), разделяет мое мнение, что в настоящем случае природе надлежит сделать энергическое усилие и что если наш очаровательный друг, графиня Домби — *прошу* прощения! — миссис Домби будет не...

— В состоянии, — подсказал домашний врач.

— Сделать надлежащее усилие, — продолжал доктор Паркер Пепс, — то может наступить кризис, о чем мы оба будем искренне сожалеть.

После этого они стояли несколько секунд с опущенными глазами, затем по знаку, молча поданному доктором Паркером Пепсом, отправились наверх. Домашний врач открыл дверь перед знаменитым специалистом и последовал за ним с раболепнейшей учтивостью.

Утверждать, что мистер Домби не был по-своему опечален этим сообщением, значило бы отнестись к нему несправедливо. Он был не из тех, о ком можно

* То есть искренняя похвала. Хьюберт Стэнли — персонаж комедии Томаса Мортонна (1764—1838). — *Здесь и далее примеч. пер.*

10 с правом сказать, что этот человек бывал когда-нибудь испуган или потрясен, но, несомненно, чувствовал, что, если жена заболит и зачахнет, он будет очень огорчен и обнаружит среди своего столового серебра, мебели и прочих домашних вещей отсутствие некоего предмета, которым весьма стоило обладать и потеря коего не может не вызвать искреннего сожаления. Однако это было бы, разумеется, холодное, деловое, приличествующее джентльмену сдержанное сожаление.

Его размышления на эту тему были прерваны сначала шорохом платья на лестнице, а затем внезапно ворвавшейся в комнату леди, скорее пожилой, чем юной, но одетой как молоденькая, в особенности если судить по туго затянутому корсету, которая, подбежав к нему — что-то напряженное в ее лице и манерах свидетельствовало о сдержанном возбуждении, — обвила руками его шею и сказала задыхаясь:

— Дорогой мой Поль! Он вылитый Домби!

— Ну-ну! — отвечал брат, ибо мистер Домби был ее братом. — Я нахожу, что в нем действительно есть фамильные черты. Не волнуйтесь, Луиза.

— Это очень глупо с моей стороны, — сказала Луиза, садясь и вынимая носовой платок, — но он... он такой настоящий Домби! Я *никогда* в жизни не видела подобного сходства!

— Но как сама Фанни? — спросил мистер Домби. — Что с Фанни?

— Дорогой мой Поль, — отозвалась Луиза, — решительно ничего. Поверь мне — решительно ничего. Осталось, конечно, утомление, но ничего похожего на то, что испытала я с Джорджем или с Фредериком. Необходимо сделать усилие. Вот и все. Ах если бы милая Фанни была Домби... Но, полагаю, она сделает это усилие, даже не сомневаюсь, что сделает. Зная, что это требуется от нее во исполнение долга, она,

конечно, сделает. Дорогой мой Поль, знаю, 11
что с моей стороны очень слабохарактерно
и глупо так дрожать и трепетать с головы до ног, но
я чувствую такое головокружение, что принуждена
попросить у вас рюмку вина и кусок вон того торта.
Я думала, что вывалюсь из окна на лестнице, когда
спускалась вниз, навестив милую Фанни и этого чуд-
ного ангелочка. — Последние слова были вызваны
внезапным и ярким воспоминанием о младенце.

Вслед за ними раздался тихий стук в дверь.

— Миссис Чик, — произнес за дверью медоточи-
вый женский голос, — милый друг, как вы себя чув-
ствуете сейчас?

— Дорогой мой Поль, — тихо сказала Луиза,
вставая, — это мисс Токс. Добрейшее создание! Не
будь ее, я бы никогда не могла добраться сюда! Мисс
Токс — мой брат, мистер Домби. Поль, дорогой
мой, — это мой лучший друг, мисс Токс.

Леди, столь выразительно представленная, была
долговязая, тощая и до крайности поблекшая особа;
казалось, на нее не было отпущено первоначально то,
что торговцы мануфактурой называют стойкими крас-
ками, и она мало-помалу вылиняла. Не будь этого, ее
можно было бы назвать ярчайшим образцом любез-
ности и учтивости. От долгой привычки восторжен-
но прислушиваться ко всему, что говорится при ней,
и смотреть на говоривших так, словно она мысленно
запечатлевает их образы в своей душе, дабы не рас-
ставаться с ними до конца жизни, голова у нее совсем
склонилась к плечу. Руки обрели судорожную при-
вычку подниматься сами собой в безотчетном вос-
торге. Восторженным был и взгляд. Голос у нее был
сладчайший, а на носу, чудовищно орлином, красова-
лась шишка в самом центре переносицы, откуда нос
устремлялся вниз, как бы приняв нерушимое решение
никогда и ни при каких обстоятельствах не задираться.

12 Платье мисс Токс, вполне элегантное и благопристойное, было, впрочем, несколько мешковатое и убогое. Она имела обыкновение украшать странными чахлыми цветочками шляпки и чепцы, неведомые травы появлялись иной раз в ее волосах. И было отмечено любопытными, что у всех ее воротничков, оборочек, косыночек, рукавчиков и прочих воздушных принадлежностей туалета — в сущности, у всех вещей, какие она носила и какие имели два конца, коим надлежало соединиться, — эти два конца никогда не бывали в добром согласии и не желали сойтись без борьбы. Зимой она носила меха — пелерины, боа и муфты, — на которых волос неудержимо топорщился и никогда не бывал приглажен. У нее было пристрастие к небольшим ридикюлям с замочками, которые при защелкивании стреляли, словно маленькие пистолеты, и, нарядившись в парадное платье, она надевала на шею жалкий медальон, изображающий старый рыбий глаз, лишенный какого бы то ни было выражения. Эти и другие подобные же черточки способствовали распространению слухов, что мисс Токс, как говорится, леди с ограниченными средствами, при которых она изворачивается на все лады. Быть может, ее манера семенить ногами подерживала это мнение и наводила на мысль, что расщепление обычного шага на два или три объясняется ее привычкой из всего извлекать наибольшую выгоду.

— Уверяю вас, — сказала мисс Токс, делая изумительный реверанс, — что честь быть представленной мистеру Домби является наградой, которой я давно добивалась, но в данный момент никак не ожидала. Дорогая миссис Чик... смею ли назвать вас — Луиза?

Миссис Чик взяла мисс Токс за руку, прислонила ее руку к своей рюмке, проглотила слезу и тихим голосом сказала:

— Благослови вас Бог!

— Дорогая моя Луиза, — промолвила мисс Токс, — мой милый друг, как вы себя чувствуете теперь?

— Лучше, — ответила миссис Чик. — Выпейте вина. Вы волновались почти так же, как и я, и, несомненно, нуждаетесь в подкреплении.

Конечно, мистер Домби исполнил обязанность хозяина дома.

— Мисс Токс, Поль, — продолжала миссис Чик, все еще держа ее за руку, — зная, с каким нетерпением я ждала сегодняшнего события, приготовила для Фанни маленький подарок, который я обещала преподнести ей. Поль, это всего-навсего подушечка для булавок на туалетный столик, но я намерена сказать, должна сказать и скажу, что мисс Токс очень мило подыскала изречение, приличествующее событию. Я нахожу, что: «Добро пожаловать, малютка Домби», — это сама поэзия!

— Это такое приветствие? — осведомился ее брат.

— О да, приветствие! — ответила Луиза.

— Но будьте справедливы ко мне, милая моя Луиза, — сказала мисс Токс голосом тихим и страстно умоляющим, — припомните, что только (несколько затрудняюсь высказать свою мысль), только неуверенность в исходе побудила меня позволить себе такую вольность. «Добро пожаловать, маленький Домби» более соответствовало бы моим чувствам, в чем, конечно, вы не сомневаетесь. Но неизвестность, сопутствующая этим небесным пришельцам, надеюсь, послужит оправданием тому, что в противном случае показалось бы недопустимой фамильярностью.

Мисс Токс отвесила при этом изящный поклон, предназначавшийся мистеру Домби, на который сей джентльмен снисходительно ответил. Преклонение перед «Домби и сыном», даже в том виде, как оно выразилось в предшествовавшем разговоре, было столь

14 ему приятно, что сестра его, миссис Чик, хотя он склонен был считать ее особой слабохарактерной и добродушной, могла возыметь на него большее влияние, чем кто бы то ни было.

— Да, — сказала миссис Чик с кроткой улыбкой, — после этого я прощаю Фанни все!

Это было заявление в христианском духе, и миссис Чик почувствовала, что оно облегчило ей душу. Впрочем, ничего особенного не нужно было ей прощать невестке, или, вернее, ровно ничего, кроме того, что та вышла замуж за ее брата — это уже само по себе являлось некоей дерзостью, — а затем родила девочку вместо мальчика (поступок, который, как частенько говорила миссис Чик, не вполне отвечал ее ожиданиям и отнюдь не был достойной наградой за все внимание и честь, какие были оказаны этой женщине).

Так как мистер Домби был срочно вызван из комнаты, леди остались одни. Мисс Токс тотчас обнаружила склонность к судорожным подергиваниям.

— Я знала, что вы будете восхищены моим братом. Я вас заранее предупреждала, моя милая, — сказала Луиза.

Руки и глаза мисс Токс выразили, насколько она восхищена.

— А что касается его состояния, моя милая!

— Ах! — с глубоким чувством промолвила мисс Токс.

— Колос-сальное!

— А его умение держать себя, дорогая моя Луиза! — сказала мисс Токс. — Его осанка! Его благородство! В жизни своей я не видела ни единого портрета, который хотя бы наполовину отражал эти качества. Нечто, знаете ли, такое величавое, такое непреклонное; такие широкие плечи, такой прямой стан! Герцог Йоркский коммерческого мира, моя милочка, да и только. Вот как бы я его назвала!